

УДК 330.33.01

ЭКОНОМИКА США: ТЕНДЕНЦИИ И ВЫЗОВЫ ТЕКУЩЕГО ДЕСЯТИЛЕТИЯ

© 2014 г. **В.Б. Супян***
Институт США и Канады РАН, Москва

В статье анализируются социально-экономические последствия финансового кризиса 2008–2009 годов. Особое внимание автор уделяет долгосрочным экономическим и социальным вызовам, стоящим перед американской экономикой и обществом.

Ключевые слова: кризис 2008–2009 гг., ВВП, экономический рост, безработица, рынок жилья, государственный долг, федеральный бюджет, социальное обеспечение, медицинское страхование, иммиграция, научный потенциал.

Прошло более четырёх лет после финансового кризиса 2008–2009 гг., который официально завершился в третьем квартале 2009 г. Вместе с тем, последствия этой наиболее глубокой за весь послевоенный период рецессии всё ещё дают о себе знать – это проявляется в невысоких и неустойчивых темпах роста, в весьма высокой безработице, в явно недостаточных темпах роста инвестиций. Однако рыночные силы постепенно приводят к восстановлению экономики. Правительство США и Федеральная резервная система также предпринимают последовательные шаги по обеспечению более устойчивого роста. Вопрос о том, дают ли эти усилия ожидаемые результаты, несомненно, представляет интерес. Не менее важно понять какие вызовы стоят перед американской экономикой и обществом в ближайшее десятилетие, а также в какой степени они обусловлены последствиями циклического кризиса, а в какой – факторами более долговременного характера.

Восстановление экономики: результаты, факторы и перспективы

Безусловно, наиболее отличительной чертой послекризисного периода минувшей рецессии является чрезвычайно медленное восстановление экономики. Хотя начиная с августа 2009 г. экономика демонстрирует положительные темпы роста ВВП, в годовом выражении они являются недостаточными, чтобы компенсировать потери, понесённые экономикой за период кризиса. Максимальное падение ВВП в четвёртом квартале 2008 г. составило 8,9% (среднеквартальные темпы падения в 2008 г. составили 4,6%). Докризисный уровень ВВП был превзойдён лишь через четыре года в 2011 г. Темпы роста ВВП в последующий период оживления и подъёма были весьма скромными – за два последних квартала 2009 г. – в среднем 2,9%, в 2010 г. – 2,4%, в 2011 г. – 2%, в 2012 г. – 1,95%,

* СУПЯН Виктор Борисович – доктор экономических наук, профессор, заместитель директора ИСКРАН. E-mail: vsupyan@yahoo.com

за 2013 г. – 1,9%. Заметным стало ускорение роста ВВП в 3-м квартале 2013 г. – на 4,1% по сравнению с 2,5% во 2-м квартале. В 4-м квартале ВВП увеличился на 3,2%, что было связано в первую очередь с резким ускорением прироста инвестиций в оборотный капитал – на 60% в 3-м квартале по сравнению с 14,4% во 2-м квартале. Кроме того, факторами такого ускорения стало увеличение государственных расходов на уровне штатов и местных органов власти, увеличение частных инвестиций в основной капитал, а также потребительских расходов, которые в 3-м квартале выросли почти на 1,3%. Инвестиции в основной капитал увеличились на 3,5%, а в жилищное строительство – на 13%.

Продолжительность падения ВВП составила в период последнего кризиса 18 месяцев, что заметно больше, чем в среднем за все периоды спадов в 11 послевоенных циклах (11,1 месяца), и была практически такой же по продолжительности, как периоды сокращения в среднем во время шести циклов с 1919 по 1945 г. (18,2 месяца) [21]. При этом за послевоенный период не было ни одного столь продолжительного периода рецессии [1].

Продолжительность рецессии, безусловно, отражается и на темпах восстановления других макроэкономических показателей, прежде всего, занятости и безработицы. В сфере занятости это проявилось в степени экономической активности рабочей силы. Хотя максимальные показатели безработицы были в период последнего кризиса ниже, чем во время кризиса 1981–1982 гг. (соответственно 10% в октябре 2009 г. и почти 11% в 1982 г.), рассасывание безработицы происходит гораздо медленнее. Если к 1983 г. безработица опустилась ниже чем 7% всего за один год после кризиса, то в нынешнем цикле для достижения такого же уровня понадобилось почти четыре года. Как правило, после начала оживления экономики предкризисный уровень безработицы достигается в среднем за три квартала. Ничего подобного в период послекризисного оживления сейчас не происходит – и за более чем четыре года оживления безработица остается гораздо более высокой, чем она была в 2007 г. (5,5%).

При этом особенно необычным является тот факт, что, несмотря на рост занятости и снижение безработицы, продолжается снижение степени экономической активности трудоспособного населения. Если перед кризисом – в декабре 2007 г. – экономическая активность трудоспособного населения составляла 66%, то в дальнейшем она продолжила лишь снижаться – до 64,9% в 2010 г. и до 63,6% к началу 2013 г. Таким образом, за пять лет после начала кризиса экономическая активность населения сократилась на 2,2 процентных пункта (п.п.). Расчеты показывают, что 1,2 п.п. этого снижения приходится на фактор старения населения, а 1 п.п. – имеет циклическую основу. В первой половине 1980-х годов циклический фактор составил 0,9 п.п. снижения экономической активности, в то время как общую активность трудоспособного населения за посткризисный период увеличила экономическая активность женщин, быстро растущая в то время.

Можно констатировать, тем не менее, что, начиная с 2012 г. рынок рабочей силы демонстрирует медленную, но устойчивую тенденцию снижения безработицы, что обусловлено в первую очередь более-менее устойчивыми темпами роста экономики.

Инвестиции в основной капитал, помимо главного фактора – потребительского спроса, являются ведущим катализатором экономического роста. Начи-

ная с 2011 г. заметен рост частных инвестиций в основной капитал, хотя и не вполне устойчивый. Так, в 2011 г. они увеличились на 10,2%; в 2012 г. – на 4,6%, за три квартала 2013 г. – на 5,8% [20].

Рост демонстрируют и корпоративные доходы, которые в 2012–2013 гг. превысили предкризисный уровень. Вместе с тем, темпы роста корпоративных доходов, во-первых, весьма неустойчивы, а, во-вторых, замедляются. Так, если в конце 2009 г., в период начала выхода из кризиса, квартальные темпы роста корпоративных доходов достигали 8–9%, то в дальнейшем они в годовом выражении сокращались – до 1–2% в 2012 г., правда, увеличившись до 3,3%, во 2-м квартале 2013 г., по опустились затем до 1,9% в 3-м квартале.

Инфляция в США остаётся на низком уровне – 1,5% в 2013 г. При этом, после падения в 1-м квартале 2013 г. вновь начали расти личные располагаемые доходы – на 2,9% с учётом инфляции, что, впрочем, ниже, чем 4%-ный рост доходов во 2-м квартале [3].

Таким образом, статистические данные свидетельствуют об улучшении макроэкономических показателей американской экономики, о позитивной в целом динамике экономического роста. Тем не менее, нельзя не отметить весьма медленное, по сравнению со всеми послевоенными циклами, восстановление экономики США. Оно связано не только с глубиной произошедшего кризиса, но и недостаточным развитием отраслей и сфер экономики, которые могли бы стать подлинными локомотивами ускоренного экономического восстановления.

Во-первых, явно недостаточной является кредитная активность американского бизнеса и населения. Это касается в том числе ключевой отрасли, ставшей источником финансового кризиса, а именно жилищного строительства. Обращение за ипотечными кредитами на покупку жилья в посткризисном 2010 г. было в 3 раза ниже, чем на пике ипотечного бума в 2005 г. (11,6 млн. и 3,8 млн. обращений соответственно) [20]. Объём продаж всех домов в 2013 г. незначительно сократился – до 4,9 млн. жилищ – при том что средняя цена за дом выросла на 9,9% – до 198 тыс. долларов.

Можно констатировать, что с 2011 г. начался постепенный рост продаж новых жилых домов – с низшего уровня продаж в 2010 г. примерно в 300 тыс. домов до уровня в 464 тыс. в 2013 г. Однако если помнить о масштабах продаж на пике ипотечного бума – 1400 тыс. домов в 2005 г., то становится очевидным, что до восстановления этого рынка, включая жилищное строительство и все связанные с ним отрасли, еще очень далеко. Хотя в 2013 г. среднеквартальные темпы роста инвестиций в жилищное строительство росли с темпом в 13,2%, их вклад в рост ВВП составил лишь 0,37% [11].

Низкая кредитная активность в США во многом объясняет недостаточно высокие темпы восстановления сектора недвижимости и экономического роста вообще. Это на первый взгляд весьма необычная для периода экономического оживления и подъёма ситуация, особенно на фоне масштабных денежных вливаний в экономику, инициированных Федеральной резервной системой. Так, в результате выкупа ФРС за послекризисный период у банков государственных и ипотечных облигаций (так называемые программы «количественного смягчения»), объём денежной массы в стране увеличился с 800 млрд. долл. до 3,8 трлн. долл. [13]. Теоретически эти меры были направлены на обеспечение

деньгами банков с целью удешевления кредита. Однако фактически большая часть этих средств осталась на резервных счетах коммерческих банков. Кредитные ресурсы в значительной степени остаются невостребованными. С одной стороны, в сложившейся не вполне устойчивой ситуации в экономике банки не спешат предлагать кредиты всем желающим (особенно памятуя об огромных понесённых потерях во время кризиса), а с другой – сам рынок, опять-таки по причине неопределённости в экономике, не предъявляет большого спроса на новые кредиты и соответственно инвестиции. Относительно быстро растущий сегмент спроса – это потребительский кредит; ипотечные же кредиты не растут, а сокращаются, по многим из них заёмщики до сих пор не рассчитались. Кроме того, из опасений инфляции, ФРС не слишком стимулирует расширение кредита, выплачивая банкам процентную ставку в 0,25% за избыточные резервы. То есть, банки, ничем не рискуя, получают приличный доход, накапливая средства на резервных счетах до лучших времен. Таким образом, стремление не допустить рост инфляции, делает политику ФРС по стимулированию экономического роста весьма противоречивой: с одной стороны, низкая учётная ставка и программы количественного смягчения, с другой – фактически поощрение ограничивать кредитную экспансию.

Всё вышесказанное свидетельствует о наличии ряда факторов, связанных как с особенностями и глубиной минувшего циклического спада, так и с непоследовательностью мер антикризисной политики, которые препятствуют более активному преодолению последствий кризиса и экономическому росту.

Проведенные в США в 2012 и 2013 гг. исследования о причинах медленного выхода экономики из кризиса, в частности в ФРС и в Бюро экономического анализа, свидетельствуют о нескольких главных факторах такого положения. В их числе: уменьшение в результате глубокого кризиса потенциала домохозяйств и малого бизнеса к новым займам, инвестированию и расходам; слабое и медленное восстановление жилищного строительства как следствие большого количества свободного и изъятого у заёмщиков жилья; сокращение расходов и занятости на уровне штатов и местных органов власти, не вполне последовательная стимулирующая монетарная политика ФРС, сокращение международной экономической активности США [8, p. 87].

Несмотря на относительно невысокие темпы послекризисного роста, следует безусловно признать, что экономика США постепенно преодолевает негативные последствия глубокой рецессии и демонстрирует выраженный тренд к росту. Об этом говорят практически все прогнозы ведущих экономических аналитиков США. Так, профессиональные прогнозисты Резервного банка Филадельфии и Исследовательская организация прогнозов «Блу Чип» ожидают, что темпы экономического роста в США в 2014 г. составят не менее 2,8%, в 2015 г. – вырастут до 2,9%, в 2016 г. – до 3%. По оценке исследовательской организации «ДэндБ», темпы роста ВВП до 2015 г. составят 2,7–2,9%. Как полагают эксперты Бюджетного управления Конгресса США, темпы экономического роста могут быть на 0,5–0,6 процентного пункта ниже в случае неурегулированности вопросов, связанных с принятием государственного бюджета и определением потолка государственного долга. Большинство экспертов также прогнозирует постепенное снижение уровня безработицы до уровня в 6–6,5% к 2016 году [8, p. 87-88; 9].

Долгосрочные финансовые вызовы

Помимо полного преодоления последствий циклического кризиса 2008–2009 гг. перед США стоят и другие экономические и социальные вызовы, часто лишь усугубленные кризисом и имеющие долгосрочный характер.

Прежде всего заметим, что согласно проводимым в США опросам, экономические проблемы неизменно занимают первые места в рейтинге наиболее актуальных проблем, стоящих перед страной. Разумеется, их значение понижается по мере преодоления экономических трудностей, но по-прежнему большинство американцев ставит эти проблемы на первые места. Так, если в 2009 г., на пике кризиса, экономическое положение, безработицу и другие проблемы экономики, в качестве наиболее острых проблем признали 86% американцев, то в 2013 г. таковыми их посчитали 53% населения. При более расширительной трактовке экономических проблем, включая здравоохранение, образование, федеральный бюджет, бедность, нехватку денег и налоги, доля американцев, озабоченных этими вопросами, возрастает до 72% [14].

Вероятно, первостепенного внимания заслуживают финансовые проблемы, и в первую очередь проблема национального долга. Мы далеки от того, чтобы считать эту проблему предвестницей экономической катастрофы (как полагают некоторые эксперты), однако её значение нельзя недооценивать.

Общие масштабы долгов всех типов в США весьма велики – в начале 2014 г. более 60 трлн. долл. Наиболее крупные категории – национальный (государственный) долг – 17,3 трлн. долл., потребительский долг граждан – 16,3 трлн. долл., корпоративный долг – 13,4, ипотечный долг – 13,2 трлн. долл., студенческие долги на образование – 1,07 трлн. долл., долг по кредитным картам – 0,9 трлн. долларов [14].

Любые долги, если они управляются неэффективно, могут представлять угрозу для финансовой и экономической нестабильности. Особую опасность представляют масштабные и плохо обеспеченные заимствования. В частности, кризис 2008–2009 гг. показал, к чему может привести плохо контролируемая ситуация на ипотечном рынке, когда покупателями жилья стало множество ненадёжных заёмщиков. Меньшую обеспокоенность вызывают, например, потребительские долги, как правило, с коротким сроком погашения.

Наибольшее внимание привлекает федеральный долг, ответственность по которому несёт государство. В США этот долг в начале 2014 г. достиг 17,4 трлн. долл., т.е. превысил размеры годового ВВП. Величина государственного долга по отношению к ВВП колебалась в разные периоды американской истории. В начале XX века он составлял 10% ВВП, увеличившись до 16,3% после Первой мировой войны. После «Великой депрессии» долг достигал уже 40% ВВП. Во время Второй мировой войны долг превышал уже 120% ВВП, опустившись постепенно до относительно невысокого уровня в 32% в 1974 г. В 80-е годы госдолг почти удвоился – до 60%, уровень в 66% был достигнут в 1996 г. К 2001 г., после периода длительного роста государственный долг вновь сократился до 56% ВВП. В начале нового столетия США столкнулись с периодом нового роста долга – до 70% ВВП в 2008 г. и в дальнейшем, в послекризисный период – до 102% ВВП в 2011 году [22].

Федеральный долг делится на две большие категории: это так называемый «публичный» долг, т.е. долг частным лицам, банкам, другим видам бизнеса, а также иностранным государствам. Другая часть долга – это долг федерального правительства другим государственным федеральным структурам – например, Фонду социального страхования, Фонду медицинского страхования. Более 12 трлн. долл. (70%) составляет публичный долг, а 5 трлн. (около 30%) – внутр-игосударственный долг.

Важный сегмент публичного долга, обсуждаемый наиболее часто, это долг федерального правительства иностранным государствам. Он составляет 5,1 трлн. долл., или 29,5% всего федерального долга и 42,5% публичного долга. Основными иностранными кредиторами США в конце 2013 г. являлись: КНР – 1,3 трлн. долл., Япония – 1,2 трлн. долл., Бразилия – 246,7 млрд. долл., ближневосточные страны-экспортёры нефти – 236 млрд. долл., Тайвань – 184 млрд. долл., Бельгия – 180,3 млрд. долл., Швейцария – 174 млрд. долл., Великобритания – 158,4 млрд. долл. России США должны 149,9 млрд. долларов [23].

Чтобы лучше понять последствия государственного долга для страны, необходимо прояснить источники его образования и роста. Государственный долг – это совокупность дефицитов государственного бюджета. Дефициты, представляющие собой превышение расходов федерального бюджета над его доходами, образуются за счёт роста социальных и военных расходов, антикризисных программ правительства и т.п. Например, быстрый рост бюджетного дефицита в период после кризиса 2008–2009 гг. был связан с большими стимуляционными финансовыми программами президента Б. Обамы по выходу из кризиса, в том числе с помощью банкам и реальному сектору экономики, с сокращением налогов, с ростом военных расходов.

Необходимость покрытия этих дефицитов приводила к размещению американских казначейских облигаций как на внутреннем, так и на внешнем рынке. При этом специфика образования американского долга состоит в том, что в нём заинтересованы не только США, но и страны-кредиторы. Для них – это часто единственный наиболее надёжный вариант сохранения свободных финансовых ресурсов. Это обусловлено несколькими связанными между собой обстоятельствами. Во-первых, не было ни одного случая, чтобы Казначейство (Министерство финансов) США не выполнило свои обязательства перед кредиторами. Во-вторых, у всех участников международного финансового рынка существует осознание того, что именно американские ценные бумаги имеют наивысшую степень обеспечения, поскольку за ними стоит самая мощная экономика мира. Ещё одно обстоятельство связано с тем, что американский доллар является основной мировой резервной и расчётной валютой (доля доллара в международных резервах превышает 60%, а в международных расчётах – 85%). Вложение свободных финансовых ресурсов других стран в американские ценные бумаги, номинированные в долларах, ещё более усиливает роль и значение американской валюты в международных экономических отношениях. И, наконец, а может быть и самое главное – это вопрос доверия к финансово-экономической, да и к политической системе США, более устойчивой, чем другие, к разного рода потрясениям мировой экономики.

Таким образом, Соединённые Штаты, в силу сложившегося международно-разделения труда, своего особого положения на мировом рынке, получают

очень значительные монопольные преимущества, позволяющие им использовать финансовые ресурсы других стран в собственных интересах.

Это, однако, не означает, что у такого рода заимствований нет никаких пределов. Всё чаще и в самих США, и в других странах говорят о серьёзных угрозах для американской и для мировой экономики столь масштабного и быстрого роста государственного долга США. Ведь какой бы спецификой не обладал государственный долг США с точки зрения механизма и мотивов его формирования, его, тем не менее, придётся возвращать (все облигации Казначейства имеют определённый срок действия) и его необходимо обслуживать. Процентные платежи уже стали серьёзной статьёй расходной части бюджета. Так, в 2011 г. они составили около 430 млрд. долл., несмотря на то, что средние процентные ставки по облигациям были минимальными за последние 200 лет. В 2013 г. процентные платежи по долгу составили 420 млрд. долл., из которых 248,0 млрд. долл. (6,3% расходной части бюджета) составили нетто-платежи внешним кредиторам, а остальная сумма составляет процентные платежи государственным структурам – держателям облигаций Казначейства США [24].

Такие суммы являются весьма серьёзным бременем даже для американского федерального бюджета. В США уже была ситуация, когда по причине непринятия в срок федерального бюджета (до 1 октября 2013 г.), страна оказалась на грани технического дефолта, поскольку в казне не было средств для оплаты текущих процентных платежей. Лишь в самый последний момент в октябре 2013 г. удалось согласовать временную схему бюджетных расходов и проценты по долгу были выплачены.

Таким образом, процентные платежи – это не только растущая нагрузка на бюджет. США в результате непринятия бюджета в нужные сроки и угрозы невыплаты процентных платежей понесли ощутимые репутационные потери как страна, которая прежде всегда безоговорочно выполняла свои обязательства по долгу.

Кроме вопроса о текущих процентных расходах проблема долга стоит и в более широком контексте. Вопрос в том, как в принципе США будут отдавать такие гигантские долги, в случае, например, серьёзных катаклизмов в американской экономике или в ситуации, когда по тем или иным причинам страны-кредиторы потребуют погасить долги им досрочно. Конечно, такой сценарий крайне маловероятен, но теоретически возможен. Всё это является причиной жарких споров среди политиков и экономистов США о «потолке государственного долга», который регулярно определяется Конгрессом. Это, несомненно, является сдерживающим фактором неограниченных заимствований, попыткой поставить рост заимствований под определённый контроль. Думается, однако, что до тех пор, пока Соединённые Штаты остаются наиболее надёжным прибежищем для свободных финансовых ресурсов других стран и лимит к ним доверия, как ведущий финансовой державе мира не исчерпан, государственный долг США будет иметь тенденцию к росту.

Немало озабоченностей в США вызывает и несбалансированность федерального бюджета – долговременная социально-экономическая проблема страны, охватывающая и допустимый с точки зрения экономической устойчивости финансовой системы дефицит бюджета, и достижение надёжной доходной базы бюджета, и выработку приоритетов общегосударственных расходов.

Проблема эта не нова. Дефициты бюджета, в том числе и весьма масштабные, случались в США и в XIX, и особенно в XX веках. После «Великой депрессии» и особенно во время и после Второй мировой войны дефициты бюджета достигали порой 20–25% ВВП. Правда, начиная с 50-х годов XX века и до кризиса 2008–2009 гг., дефициты бюджета были относительно невелики и не превышали 5% ВВП. Рецессия 2008–2009 гг. изменила ситуацию. Достигнув 10% ВВП (1,4 трлн. долл.), дефицит бюджета до 2013 г. держался на необычно высоком уровне – 8–9% ВВП, превышал в абсолютных масштабах 1 трлн. долл. Лишь в 2013 г. дефицит федерального бюджета сократился за один год на 37%, достигнув величины в 680 млрд. долл., что составляет 4% ВВП. Резкое сокращение дефицита произошло отчасти за счёт сокращения бюджетных расходов (на 2,4%), а в первую очередь, в результате возросших налоговых поступлений (на 13%) вследствие ускорения экономического роста [10].

Помимо того, что дефициты увеличивают государственный долг, они создают немало проблем для финансирования собственно бюджета. Проблема распределения расходной части бюджета в условиях его дефицита вызывает неизменные политические баталии в Конгрессе США, что обусловлено различными идеологическими подходами Демократической и Республиканской партий к роли государства в экономике и социальной сфере. Как известно, демократы – сторонники активной роли государства в этих областях, ратуют за увеличение государственных расходов, особенно на социальные цели и создание общественных благ, республиканцы же в большей степени уповают на рыночные силы в экономике и призывают сокращать многие статьи бюджетных расходов, одновременно сокращая налоги. Эти противоречия уже приводили к весьма негативным последствиям для всей социально-экономической жизни страны – к неприятию вовремя федерального бюджета, к его секвестру. Так, неприятие бюджета в 2013 г. привело к приостановке деятельности многих федеральных ведомств и к вынужденному отпуску более 800 тыс. государственных служащих.

Надо подчеркнуть, что бюджетные противоречия в США в последние годы имеют тенденцию к обострению и могут рассматриваться как долговременный социально-экономический вызов, способный дестабилизировать не только внутривнутриполитическую ситуацию в стране, но и позиции США за рубежом.

Идеологическое противостояние двух партий усугубляется постоянным ростом так называемых «обязательных» или защищённых статей расходов бюджета, которые по закону не подлежат сокращению. Прежде всего, это социальные позиции бюджета – социальное страхование (главным образом, пенсионное обеспечение), государственные программы в области здравоохранения, программы социального вспомоществования. Так, только указанные три направления расходов федерального бюджета в 2013 фин. г. составили 2,3 трлн. долл. из 3,5 трлн. долл., составляющих расходную часть бюджета (66%). При этом в силу старения населения и увеличения продолжительности жизни в США (около 79 лет в 2013 г.) нет никаких оснований считать, что нагрузка на бюджет может уменьшиться. Разумеется, эта нагрузка усугубляется в связи с непомерными военными расходами США (около 800 млрд. долл. в 2013 г.), что составляет около 40% военных расходов всего мира.

Проблема принятия и исполнения бюджета напрямую связана с более конкретным, но не менее долговременным вызовом, стоящим перед Америкой – проблемой финансирования системы социального обеспечения. Главным элементом этой системы является программа страхования пожилых людей и их иждивенцев, а также родственников умерших, имевших право на такое страхование. Главная проблема состоит в том, что начиная с 2010 г. расходы по программе выплаты пенсий превышают поступления. Дефицит программы составил 49 млрд. долл. в 2010 г., 45 млрд. долл. – в 2011 г., 55 млрд. долл. в 2012 г. По оценке Попечительского комитета Фонда социального страхования в период между 2013 г. и 2018 г. дефицит программы составит в среднем 75 млрд. долл. в год. При нынешнем подходе к финансированию программы нехватка средств для пенсионных выплат сохранится в ближайшие 75 лет.

В настоящее время программа финансируется в равных долях работниками и работодателями с помощью налога в сумме 12,4% величины фонда заработной платы. Программа в 2012 г. охватывала 57 млн. человек, включая 40 млн. пенсионеров и их иждивенцев, 6 млн. получателей пенсии за умерших супругов и 11 млн. инвалидов и их иждивенцев. Общая сумма выплат по программе в 2012 г. составила 786 млрд. долл. и являлась крупнейшей статьёй федерального бюджета.

Для решения проблемы дефицита средств в Фонде социального страхования предлагается множество рецептов – от увеличения налогов на пенсионные нужды до вложения части страховых взносов в высокоприбыльные финансовые инструменты для получения дополнительной прибыли. Одна из реальных альтернатив, впрочем, уже реализуемых, – постепенное повышение пенсионного возраста. В настоящее время он уже увеличен до 66 лет, с правом досрочного выхода на пенсию в 62 года. Для тех же, кто родился в 1960 г. и позже, возраст выхода на пенсию составит уже 67 лет [17].

Попечительский комитет Фонда социального страхования предлагает для сбалансирования доходов и расходов Фонда довольно болезненные меры – в частности, увеличение совокупного (работников и работодателей) налога на фонд заработной платы с 12,4 до 15,06%, снижение пенсионных выплат для всех нынешних и будущих получателей на 16,5%, или на величину в 19,8% для тех, кто начал получать пенсии с 2013 г. [17, р. 3].

Решения на этот счет пока не приняты, но ясно, что в любом варианте они означают ухудшение материального положения как работающих, так и пенсионеров и вряд ли найдут поддержку в обществе.

Другие долгосрочные проблемы

Всё более серьёзной проблемой в США становятся социальное расслоение и наличие значительной категории населения, живущей за чертой бедности. По данным опубликованного в сентябре 2013 г. обследования Бюро переписи населения, доля населения ниже черты бедности остаётся неизменной с 2011 г. и составляет 15%, или около 47 млн. человек. За первый срок пребывания у власти Б. Обамы число таких граждан увеличилось на 6,7 млн. человек. Это свидетельствует о том, что почти 4-летний период экономического подъёма, начавшегося официально в июне 2009 г. не привёл к рассасыванию хронической бедности. Количество людей, имеющих доходы ниже прожиточного ми-

нимума, было бы ещё больше, если бы не пособия по безработице – в 2012 г. 1,7 млн. получателей этих пособий имели в результате более высокий доход, чем официально рассчитываемый прожиточный минимум. Программа продовольственной помощи поддерживала ещё 4 млн. человек, что также снижало общее число людей, живущих за чертой бедности [4].

Напомним, что официальный прожиточный минимум для одного человека составлял в США в 2013 г. 11,5 тыс. долл., для двух человек – 15,5 тыс. долл., для четырёх человек – 23,5 тыс. долл. в год. Средний минимальный уровень заработной платы установлен федеральным законодательством в 7,25 долл. в час (последний раз повышался в 2009 г.). В 2013 г. совместный законопроект Сената и Палаты представителей предлагал поднять этот уровень до 9,8 долл. в час, президент Б. Обама предложил ещё более высокий уровень минимальной зарплаты до 10,1 долл. в час.

Не обнаруживает тенденцию к росту и медианный доход, что обычно происходит в период экономического оживления и роста. В 2012 г. он составил 51 тыс. долл., то есть не изменился с учётом инфляции с 2011 г., а по сравнению с 2009 г. упал на 4,3%. В 2012 г. медианный доход в США был всё ещё на 8,3% ниже предкризисного уровня доходов в 2007 г. и на 9% ниже уровня 1999 года.

Ухудшаются показатели социальной дифференциации, прежде всего по доходу. Так, доля доходов, приходящихся на нижнюю 20%-ную группу доходополучателей составила в 2012 г. рекордно низкую величину с 1967 г. – 3,2%. Меньшие доли совокупного дохода приходились в 2012 г. и на три другие средние 20%-ные группы по сравнению с 1967 г.: в совокупности на эти четыре группы приходилось соответственно 48,9% и 56,3%. С другой стороны, 20%-ная группа населения с наивысшими доходами заметно увеличила свой вес – с 43,6% в 1967 г. до 51% в 2012 г. На высшие 5% доходополучателей в 2012 г. приходилось 23,3% всех доходов по сравнению с 17,2% в 1967 году [4, р. 3].

Заметно опережали США в 2013 г. практически все другие развитые страны и по такому показателю неравенства в доходах, как коэффициент Джини. В США (после уплаты налогов и выплаты трансфертов) он составил 0,42, тогда как в других развитых странах – от 0,33 до 0,38 (за исключением Великобритании и Израиля, где этот показатель был равен 0,41) [15]. В США сохраняется значительная дифференциация доходов в зависимости от этнической и расовой принадлежности граждан. Так, самые высокие доходы в 2012 г. были у выходцев из Азии (в среднем 68 тыс. долл. в год). На втором месте находились белые американцы – 57 тыс. долл., затем следовали испаноязычные американцы (39 тыс. долл.) и афроамериканцы (33,3 тыс. долл.). Эти различия были в первую очередь обусловлены различным уровнем образования и доминирующей принадлежностью к тем или иным профессиям [5].

В целом рост бедности и социального неравенства в США обусловлен комплексом как долгосрочных, так и конъюнктурных причин, в том числе и тяжелейшей экономической рецессией. Однако нельзя не видеть и факторы более длительного характера – это с трудом преодолеваемое социально-этническое неравенство, влияние разрыва в образовании на усиление дифференциации, меняющаяся структура экономики и рынка труда.

Долгосрочным фактором, создающим социальную напряжённость в обществе, является разная доступность услуг здравоохранения США. США явля-

ются единственной развитой страной мира, где нет общенациональной системы государственного медицинского страхования. И это при том, что качество оказываемых услуг является одним из самых высоких в мире. Именно поэтому реформа системы здравоохранения стала едва ли не главным приоритетом социальной политики администрации Обамы.

Так, в 2012 г. 46% взрослого населения США (в возрасте от 19 до 64 лет), т.е. около 85 млн. человек не имели медицинской страховки на полный год. Это означает, что в случае заболевания американцы, не имеющие страховки, если их доходы превышают официальный уровень бедности, вынуждены полностью оплачивать стоимость своего лечения, которая является одной из самых высоких в мире.

Но проблемы здравоохранения в США не исчерпываются низкой степенью охвата граждан медицинской страховкой. Главная проблема с оказанием медицинских услуг – их высокая стоимость. Даже застрахованным американцам не хватает страховых выплат для оплаты лечения. По оценке Фонда страховой медицины, сделанной в 2012 г., таковых насчитывалось 30 млн. человек, или 16% взрослого населения.

В США существует две основные государственные программы предоставления в основном бесплатной медицинской помощи – «Медикэйр» (Программа помощи пожилым американцам старше 65 лет) и «Медикейд» (Программа помощи людям, получающим доход ниже прожиточного минимума). Кроме того, существует программа оказания медицинской помощи бывшим военнослужащим и участникам вооружённых конфликтов. Государственные ассигнования на здравоохранение составили в 2013 г. 900 млрд. долл. (22% всех бюджетных расходов), а все расходы на медицинские услуги, включая частное медицинское страхование и личную оплату услуг, составляют 2,5 трлн. долл. или более 15% ВВП [6].

Предпринимаемые администрацией Обамы попытки решить проблему доступности услуг здравоохранения лежат в русле принятого в 2012 г. закона «О реформе здравоохранения». Этот закон, принятию которого предшествовала бурная политическая дискуссия и который очень неоднозначно был воспринят в американском обществе, предполагает практически обязательное частное медицинское страхование для всех граждан страны. Он предполагает ряд механизмов как для граждан и работодателей, так и для страховых компаний (кредиты, штрафы, административные нормы), что должно способствовать повышению степени охвата медицинским страхованием граждан США. Многие граждане и политические силы США (в частности, Республиканская партия) считают закон принудительным, нарушающим свободный выбор граждан (в данном случае – страховаться или нет), и поэтому протестуют против его реализации. Тем не менее, хотя встречая активное сопротивление, закон с большим трудом начал внедряться в США в конце 2013 года.

Весьма остро стоит в США и проблема иммиграции. Будучи страной иммигрантов, США, тем не менее осознают вызовы, возникшие в этой сфере в начале XXI века. К таковым можно отнести масштабные сдвиги в расовой и этнической структуре населения, способные существенно изменить сложившиеся социально-культурные институты общества, в том числе такие базовые, как доминирующий язык, религиозные предпочтения, трудовая этика. Еже-

годно в США въезжает более 1 млн. только легальных мигрантов. В соответствии с прогнозом Бюро переписи населения США, структура населения претерпит в будущем кардинальные изменения: если в 2012 г. доля белого населения составляла 63%, а представители всех национальных и расовых меньшинств в совокупности – 37%, то в 2060 г. белые будут составлять лишь 43% населения, а представители расовых и этнических меньшинств – 57% [25].

Особенно заметно увеличится численность испаноязычных американцев – она более чем удвоится – с 53,3 млн. человек в 2012 г. до 128,8 млн. в 2060 г., их доля в составе населения превысит 30%. Численность афроамериканцев вырастет за тот же период с 41,2 млн. человек до 61,8 млн., составив 14,7% в 2060 г. по сравнению с 13,1% в 2012 г. Более чем в 2 раза возрастёт численность выходцев из Азии – с 15,9 млн. человек в 2012 г. (5,1%) до 34,4 млн. человек в 2060 г. (8,2%).

В США в 2013 г. проживало 40,5 млн. человек (13% всего населения страны), родившихся за рубежом, т.е. иммигрантов, получивших какой-либо легальный статус (гражданство, вид на жительство, трудовой контракт). 45% иммигрантов получили гражданство, остальные имели вид на жительство или жили в США на основании временных трудовых контрактов. Из них примерно 53% являются выходцами из Латинской Америки, 25% – из Азии, 14% – из Европы и 8% – из прочих регионов мира [16].

Самой большой группой этнических иммигрантов в США являются мексиканцы – 11,7 млн. человек, на втором, третьем и четвертом местах находятся выходцы из Индии, Филиппин и Китая – соответственно 1,9; 1,8 и 1,7 млн. человек [19].

Сумеют ли американское общество и экономика адаптироваться к новым реальностям? Ведь «плавильный котел» уже явно не работает столь же эффективно, как это было на протяжении предшествующей американской истории.

Однако миграционный вызов не исчерпывается столь глобальными изменениями в структуре населения страны. Вызывает немало беспокойства и проблема нелегальной иммиграции. По данным на 2011 г. численность нелегальных иммигрантов составила 11,1 млн. человек, несколько сократившись по сравнению с 2007 г. С одной стороны, нелегальные мигранты, представляя собой преимущественно неквалифицированную рабочую силу, выгодны для ряда секторов американской экономики, в которых не хотят работать граждане США, сюда относятся многие виды строительных и сельскохозяйственных работ, работа на конвейере, уборка мусора, неквалифицированные рабочие места в сфере обслуживания. С другой стороны, нелегальная иммиграция создаёт немало социальных проблем. Она способствует криминализации экономики и общества, увеличивает нагрузку на социальную сферу, способствует росту этнических конфликтов. Не следует забывать, что нелегальные мигранты не платят подоходные налоги и взносы в фонды социального страхования и здравоохранения, пользуясь при этом многими социальными услугами – их дети ходят в школу, они пользуются экстренной медицинской помощью и т.д.

В Америке нет согласия по поводу того, как преодолеть или не допустить угрозы, связанные с массовой иммиграцией в США, в том числе и нелегальной. Принимаемые меры – от самых жёстких, как например, строительство стены на границе США и Мексики или выдворение нелегальных мигрантов,

до, напротив, весьма либеральных, как уже проводившиеся ранее миграционные амнистии, пока не решают накапливающиеся проблемы в этой сфере.

Таким образом, миграционная проблема, будучи по сути весьма неоднозначным процессом, несёт для США как краткосрочные, так и долгосрочные вызовы.

Ещё одним долгосрочным вызовом для США является зависимость от зарубежных источников энергетического сырья, прежде всего углеводородов. Одновременно – это один из примеров того, как долгосрочные проблемы могут находить постепенное решение, если эти решения базируются на эффективной экономической политике и достижениях научно-технического прогресса.

США продолжают оставаться весьма зависимыми от импорта энергоносителей в страну. В 2012 г. доля импортируемой нефти составила 40% общего объёма внутреннего потребления. Это существенное изменение с тем, что было еще 9–10 лет назад, когда эта доля составляла 60%. Меняется и региональная структура импорта нефти – сейчас 53% нефти ввозится из стран Северного полушария, 28% – из стран Персидского залива, 16% – из стран Африки и только 3% – из всех прочих регионов планеты [2], а ведь сравнительно недавно, 10–15 лет назад лидирующие позиции среди поставщиков нефти в США занимали страны Персидского залива.

Ситуация, когда всё ещё значительные объёмы углеводородов поступают в США из-за рубежа и в том числе из не вполне дружественных к США регионов, всегда беспокоила правящие круги Америки. Усилия если не решить, то по крайней мере смягчить энергетическую зависимость США предпринимаются по двум основным направлениям. Это – диверсификация источников топлива и технический прогресс в добыче и потреблении источников энергии. В обоих этих направлениях США удалось добиться ощутимых успехов. Переключение основных нефтяных поставок на союзников – прежде всего на Канаду и Мексику – позволило уменьшить риски в обеспечении экономики и индивидуальных потребителей как с точки зрения объёмов поставок, так и с точки зрения резких колебаний цен. Одновременно бурное развитие новых технологий добычи и повышение их рентабельности позволили увеличить добычу нефти и природного газа в самих США. Речь, конечно, идёт в первую очередь о сланцевом газе, рост добычи которого вывел США на первое место в мире по добыче природного газа вообще и превратил страну из нетто-импортёра в нетто-экспортёра газа.

По имеющимся оценкам к 2035 г. импорт нефти в США сократится примерно на 75%. Это ещё более ослабит возможности стран – членов ОПЕК влиять на нефтяной рынок и манипулировать ценами. Сланцевый газ к 2035 г. составит 68% всей газодобычи в США, а в целом доля Северной Америки в мировой добыче газа превысит 70% [7].

Однако вопрос об энергетической независимости США всё ещё далёк от своего решения. Наряду с достижениями в добыче и энергосбережении, рост потребления нефти и других видов топлива будет по-прежнему влиять на масштабы их импорта, удерживая его на достаточно высоком уровне. Так, по одному из вариантов прогноза Центра стратегических и международных исследований, доля импорта в потреблении топлива снизится до 34% в 2019 г., вновь увеличившись до 37% в 2040 г. По другому варианту, доля импорта ещё

больше возрастёт (до 44%), оставаясь, тем не менее, гораздо ниже уровня 2005 г. (60%).

Есть множество факторов, как международных, так и экономических, которые могут повлиять на реакцию США на современные и будущие энергетические вызовы. Однако направление внутренней энергетической стратегии – диверсификация источников и новые технологии представляется вполне обоснованным.

Нельзя не упомянуть ещё об одном долгосрочном вызове, стоящим перед США. Характер этого вызова иной. Он состоит не в том, чтобы преодолеть уже возникшие экономические и социальные трудности, а в том, чтобы удержать имеющееся лидерство. Речь в данном случае идёт о научно-техническом потенциале США.

Во втором десятилетии XXI века США остаются безусловным научно-техническим лидером планеты. На их долю в 2014 г. приходится 31,4% мировых расходов на науку, что по паритету покупательной способности составит 465 млрд. долл. Идущий за США Китай расходует в 1,6 раза меньше – 284 млрд. долл., что составляет 16,5% мировых расходов. На более-менее сопоставимом уровне находится ещё Япония – 165 млрд. долл. или 10,5% мировых расходов. Лидерство США подтверждается и другими показателями – представительством в полученных Нобелевских премиях (около 50%), долей в полученных патентах (более 50%), долей ссылок и цитирований (более 25%) и т.д.

Однако нельзя не видеть и другие тенденции, вызывающие обеспокоенность в США. Несмотря на то, что запас прочности в области научно-технического потенциала у США велик, их относительные позиции постепенно слабеют. Так, доля в мировых расходах на науку 20 азиатских стран уже превышает долю расходов стран Америки (как, впрочем, и Европы). В 2014 г. эти пропорции составят 39,1, 33,9 и 21,7% соответственно. Многие развитые страны опережают США по такому важному относительному показателю, как доля расходов на НИОКР в ВВП. В 2014 г. США разделят по этому показателю 9–10-е места с Австрией (2,8%), уступая Израилю (4,2%), Южной Корее (3,6%), Финляндии (3,5%), Японии и Швеции (3,4%), Германии, Швейцарии и Дании (2,9%) [12].

Несмотря на то, что американские исследовательские университеты по-прежнему занимают первые места в мировых рейтингах, есть немалая обеспокоенность и относительно системы высшего образования (не говоря уже о среднем). Речь идёт о неравенстве доступа к высшему образованию, высокой стоимости образования, об отставании в подготовке кадров в отдельных областях естественных и точных наук.

В США осознают значение своего главного конкурентного преимущества. Об этом, собственно, говорят и масштабы ассигнований на развитие науки, образования и инноваций. Однако конкуренция в этой сфере явно возрастает, что потребует от США новых подходов для удержания существующего стратегического преимущества.

Необходимо упомянуть и о других, в частности, среднесрочных вызовах, стоящих перед Америкой. В значительной мере они усугублены тяжелейшим кризисом 2008–2009 гг. Это и необходимость восстановления рынка жилья, и необходимость снижения безработицы до социально и экономически приемлемого уровня (так называемый «естественный» уровень безработицы может

быть оценён примерно в 6%). Эти проблемы уже упоминались выше в контексте непосредственного преодоления кризиса. Вместе с тем, очевидно, что их разрешение приобретает затяжной характер и может быть связано не только с конъюнктурными циклическими факторами, но и с факторами структурного характера, например, возросшим несоответствием спроса и предложения рабочей силы.

* * *

Подводя итог проделанному анализу, можно констатировать, что США преодолевая циклический и финансовый кризис 2008–2009 гг., демонстрируют вполне работоспособный механизм разрешения таких кризисов. Вместе с тем, и в контексте кризиса и его последствий, и в более долгосрочном периоде перед страной стоит немало серьёзных социально-экономических вызовов, требующих стратегических, политических и экономических решений. Некоторые из них уже приобрели весьма заметную остроту и нуждаются в безотлагательных мерах, другие – заставляют задуматься над стратегией и адекватной реакцией.

Список литературы

1. О причинах и факторах финансового кризиса 2008–2009 гг. автором опубликовано несколько статей в журнале «США ❖ Канада: экономика, политика, культура» в 2009–2012 гг.
2. American Strategy and US “Energy Independence”. CSIS. P. 2 (<http://csis.org/print/47070>).
3. BEA. GDP and the Economy. Second Estimates for the Third Quarter of 2013. P. 1.
4. Census Data Show Poverty and Inequality Remained High in 2012 and Median Income Was Stagnant, But Fewer Americans Were Uninsured. September 20, 2013 (<http://www.cbpp.org/cms/?fa=view&id=4022>).
5. CNN Money. 15% of Americans Living in Poverty (<http://money.cnn.com/2013/09/17/news/economy/poverty-income/>).
6. A Collection of Problems with the US Health Care System. Health Care Statistics. February 2, 2014 (<http://www.healthcareproblems.org/health-care-statistics.htm>).
7. The Doilly Caller. M. Bastasch, American Energy Independence is a “fraching” miracle, p. 2, 9 (<http://doilycaller.com/2014/01/16/bastach-american-energy-independence-is-a-fraching-miracle/>).
8. Economic Report of the President. Washington, 2013.
9. D&B’s Global Economic Outlook –2013-2017. 25.11.13 (www.dnb.com/le/credit-education/global-economic-outlook-2013-to-2017.html#UpMpddL70Zk).
10. Economics Help. U.S. Debt and Deficit Stats (<http://www.economicshelp.org/blog/9290/us/us-debt-deficit-stats/>); U.S. Federal Deficit Definition (<http://www.usgovernmentspending.com/us-deficit>).
11. GDP and the Economy. Second Estimates for the Third Quarter of 2013. December 2013. P. 2; Sales of New Homes in US Exceeded Forecasts in November. December 24, 2014 (<http://www.bloomberg.com/news/2013-12/sales-of-new-homes>).
12. Global Funding of R&D. Research Spending to Increase in 2014. P. 1, 3 (<http://www.rdmag.com/articles/2013/12/global-funding-r-d>).
13. US National Debt Clock: Real Time (www.usdebtclock.org/).

14. In U.S. Economy Still Top Issue, but Its Dominance Lessens. P. 1, 2
(<http://www.gallup.com/poll/162995/economy-top-issue-dominance-lessens.aspx/version=print>).
15. Inequality in America. Gini in the Bottle // The Economist. November 26, 2013
(<http://www.economist.com/node/21590798/print>).
16. International Organization for Migration. United States of America
(<http://www.iom.int/ems/en/sites/iom/home/where-we-work/americas/central-and-northeu/>).
17. Laurence Wance, The Future of Social Security. Monday, 16 September 2013
(<http://www.thenewamerican.com/economy/commentary/item/16497-the-future-of-social-security/>).
18. The Mortgage Market in 2011: Highlights from the Data Reported under the Home Mortgage Disclosure Act. Federal Reserve Bulletin. December 2012.
19. Pew Research Hispanic Trends Project. February 13, 2013
(www.pewhispanic.org/2013/02/15/u-s-immigration-trends/ph_13-01-23_ssimmigration_14_college/).
20. Survey of Current Business. November 2013. P. 3; Economic Report of the President. Washington. 2013. P. 59.
21. U.S. Bureau of Economic Analyses
(<http://www.bea.gov/iTable/iTable-cfm?RegJD=Q8step=1>);
National Bureau of Economic Research/ (<http://www.nber.org/cycles/cyclesmain.html>);
Economic Report of the President. Washington. 2013. P. 43.
22. US Federal Debt Definition – Plus Charts and Analyses
(http://www.usgovernmentdebt.US/federal_debt).
23. U.S. National Debt Clock. January 2014
(<http://www.devemanuel.com/us-national-debt-clock.php>).
24. The U.S. Debt and How It Got So Big
(http://www.ussecurity.about.com/od/fiscalpolicy/p/US_Debt.htm?p=1);
Pew Research. Drew Desilver. 5 Facts about National Debt: What You Should Know.
(<http://www.pewresearch.prg/fact-tank/2013/10/09/5-facts-about-the-national-debt-what-you-should-know>).
25. US Census Bureau Projections Show a Slower Growing, Older, More Diverse Nation a Half Century from Now
(<http://www.census.gov/newsroom/releases/archives/population/cb12-243.html>).